

ЕВГЕНИЯ
ПЕРОВА

ЕВГЕНИЯ
ПЕРОВА

*Другая
женщина*

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П27

Оформление серии *Е. Гузьяковой*

Оформление переплета *С. Власова*

В оформлении переплета используется репродукция
картины *Висенте Ромеро Редондо*

Все имена и события в произведении вымышлены,
любые совпадения случайны

Перова, Евгения Георгиевна.

П27 Другая женщина : [роман] / Евгения Перова. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Счастье мое, постой! Проза Евгении Перовой).

ISBN 978-5-699-88928-0

Лёка и Дмитрий, Варвара и Глеб, Андрей и Ирина встречаются друг друга слишком поздно... «Солнечный удар», поразивший героев, ставит их перед моральным выбором — укротить свое сердце или следовать мелодии любви, куда бы она ни привела. Обстоятельства обязывают смириться. Но, может быть, стоит еще побороться с судьбой за свои чувства и по праву, данному любовью, насладиться краденым счастьем?!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Перова Е., текст, 2016
© Redondo V. R., иллюстрация на переплете, 2016
ISBN 978-5-699-88928-0 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Другая
женщина

Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.
Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.
Больше я от себя не желаю вестей
И прощаюсь с собою до мозга костей,
И уже, наконец, над собою стою,
Отделяю посылаю душу мою,
В пустоте оставляю себя самого,
Равнодушно смотрю на себя – на него...

Арсений Тарковский

ГЛАВА 1

ЖЕНА И ЛЮБОВНИЦА

Для конца августа день выдался на удивление жаркий. Очередь в Екатерининский дворец ползла медленно, и Тома пожалела, что они с ребятами туда затесались — посмотрели Лицей, да и хорошо, но Катюшка была неумолима: как это мы не увидим дворец?! А зачем тогда ехали?

— Мам, смотри! Опять эта тетенька с Настей! — закричал Антошка, подпрыгивая.

— Да не кричи ты так! — Тома оглянулась. Женщину с девочкой они приметили еще в Лицее: высокая молодая дама с седой прядью в темных волосах и светленькая девочка, хорошенькая и резвая, на вид — ровесница восьмилетнему Антошке, который уже успел с ней познакомиться. Дама слегка прихрамывала и опиралась на элегантную трость. Настя подбежала к ним, потом подошла и ее бабушка — как решила Тамара.

— Пристраивайтесь к нам!

— Спасибо, но мы не будем стоять в очереди. У меня тут подруга работает, мы пройдем с другого входа. Хотите с нами?

— Ой, а можно? — обрадовалась Катя.

— Я думаю, можно. Пойдемте!

— Вот спасибо! А то такая очередь!

После экскурсии подруга новой знакомой пригласила их выпить чаю, и, как ни отнекивалась Тома —

неудобно, ну что вы! — отказаться не удалось. Потом они все вместе еще немного погуляли по парку. Настя с Антоном носились наперегонки, а Катя снимала все подряд — фотоаппарат ей совсем недавно подарил отец. Присев на белую ажурную скамейку, женщины улыбнулись друг другу, одновременно заговорив:

— У вас такие большие дети! Сколько же вам лет?

— А вы такая молодая бабушка!

И обе невольно рассмеялись.

— Настя моя дочь. Поздний ребенок.

— Ой, простите!

— Ничего страшного, многие ошибаются.

— Сколько ей? Моему — восемь!

— Ровесники. А девочке лет шестнадцать?

— Четырнадцать. А я вовсе не такая молоденькая — под сорок уже! Просто выгляжу вечной девочкой. Знаете — маленькая собачка до старости шенок.

— А я в сорок два только родила.

— Вы героиня! Если б мне сейчас сказали рожать — да ни за что!

— Вы из Москвы?

— Да. — Тамара не стала углубляться в географические подробности, какая разница — Москва, Подмосковье. — Вот выбрались! Первый раз в Петербурге. Неделю уже здесь, завтра вечером уезжаем. Ноги просто отваливаются! А Катюшка моя неугомонная, все хочет увидеть. Ой, я не сказала! Я — Тамара, можно просто Тома.

— Очень приятно. Людмила. Вы тут у родственников?

Тома чуть было не спросила: а как вас по отчеству? — но вовремя сообразила, что не стоит.

— Нет, в гостинице. Муж заказал. Он с нами не ездит, у него вся работа в разъездах, устает.

— Понятно.

Другая женщина

Вернулись дети и стали канючить мороженого, Тома махнула рукой — ладно, а то уж очень жарко.

— Только обедать потом все равно будете!

Настя с Антоном умчались в сторону дворца, а Катя осталась — села на соседней скамейке разглядывать и сортировать снимки. Тамара с Людмилой переглянулись, улыбнувшись. Обе чувствовали невольную симпатию друг к другу, как порой бывает с совершенно незнакомыми людьми. Тома, правда, несколько робела перед такой изысканной дамой и казалась себе слишком провинциальной, но все больше и больше поддавалась мягкому обаянию новой знакомой. А та с удовольствием разглядывала миниатюрную Тому: коротко стриженная зеленоглазая брюнетка, одетая в джинсы и простую футболку, выглядела сестрой собственной дочери, уже переросшей маму на целую голову. Не красавица, но вполне симпатичная и такая энергичная!

— Не заблудятся они? — спросила Тамара, оглянувшись на бегущих по аллее детей.

— Нет, Настя хорошо знает парк, мы тут часто бываем. Этим летом, правда, впервые: нога меня подвела — артрит замучил, даже трость пришлось завести.

— Хорошая у вас девочка!

— Вся в отца, — с нежностью произнесла Людмила. — Очень на него похожа. Ваша тоже в папу удалась, правда?

— Да, вылитая! Только, к счастью, поживей. А то папа у нас такой... задумчивый. Но надежный, заботливый.

— У вас хороший брак?

— Да не жалуюсь! А у вас?

— Я не замужем, одна Настю рашу.

— Так вы вдвойне героиня! Он что, бросил вас?!

— Нет, это совсем другая история...

Людмиле явно хотелось выговориться перед незнакомым человеком, а Тому разбирало женское любопытство:

— Ой, простите, я не подумала! Он умер, да?

— Нет. — Людмила улыбнулась. — Жив-здоров. Дело в том... Боюсь, вы меня осудите!

— Ну что вы! С какой стати мне вас осуждать? — Тамара слегка покраснела, потому что, честно говоря, уже осудила: в таком возрасте заводить ребенка просто безответственно, а без мужа — тем более!

— Дело в том, что он женат. И гораздо моложе меня.

Вот это да! У Тома загорелись глаза — она обожала скандальные житейские истории а-ля Пугачева — Галкин! Обсуждая сложные романы и любовные многоугольники звезд шоу-бизнеса или знакомых, она каждый раз испытывала чувство глубокого морального удовлетворения: у нее-то самой все правильно и стабильно. Всякое, конечно, случалось... Но ведь она справилась!

Как можно — изменять, разводиться, соблазнять чужих мужей, заводить романы с юнцами, рожать детей вне брака?! И оправдывать все любовью?! Это же безнравственно! Должно же быть чувство долга! А поскольку все вокруг нее только и делали, что разводились и заводили романы, Тома привыкла смотреть на окружающую действительность с брезгливой снисходительностью, как правоверная среди язычников, никак не поддающихся перевоспитанию. Но надо же было узнать подробности, и она постаралась как можно более естественно произнести сочувственным тоном:

— Ой, в жизни всякое может случиться!

— Именно так это и произошло — совершенно случайно! Он тоже москвич, в командировку приезжал. И так получилось, что... У них с женой была в этот момент сложная ситуация... Он сильно пережи-

Другая женщина

вал! Это вообще очень эмоциональный, тонко чувствующий человек. Ну, в общем, я его пожалела. И теперь у меня есть Настя.

— И вы больше не виделись?!

— Нет, почему? Мы видимся довольно часто. Он помогает нам с Настей, не оставляет. Дочка, правда, не знает, кто он. Я сказала — друг отца.

— А как же вы Насте про отца объяснили?

— Да, это была проблема! Пришлось похоронить, к сожалению. Якобы авария. Ведь там жена, дети. Я совсем не хотела ничего разрушать! Потом у них все постепенно наладилось. Как ни странно, именно я помогла ему вернуться в семью.

— И вы никогда не чувствовали себя обделенной?!

— Нет, что вы! Я так благодарна судьбе! У нас с мужем детей не было, и я уже потеряла надежду. Муж умер, а потом я встретила Диму, и вот...

— Диму?! Надо же! Моего тоже зовут...

И в этот самый момент вернулись Антошка с Настей, притащившие пакетик с пачками мороженого для двух мам и Кати — свое они уже съели по дороге. Антошка еще издали закричал:

— Мам! Ты представляешь?! Мам!

— Антон! Не кричи так, сколько раз говорить!

— Мам, а у Насти такая же фамилия, как у нас! Артемьева! Правда, здорово?

В голове у Тamarы вдруг что-то шелкнуло, и, еще боясь поверить до конца, она медленно спросила у Людмилы:

— А кто он по профессии? Ваш Дима?

— Дима? Программист.

— А Настя когда родилась? В каком месяце?

— В марте, чуть-чуть не дотянула до восьмого...

Тома вскочила и дрожащим голосом сказала детям, которые смотрели на нее с удивлением:

— Мы сейчас же уходим! Катя, Антон, пошли!

— Мам, ты что?! Мы же хотели... с Настей...

— Мама, с тобой все в порядке?!

— Тамара, что случилось?!

— Голова! Мигрень! У меня бывает! — Голова у нее болела очень редко, но надо же было как-то объяснить свой порыв. В уме у Томи крутились обрывки разговора с Людмилой и, словно пазлы, складывались в четкую и ужасающую картинку: тоже москвич... женат... гораздо моложе... приехал в командировку... программист... очень эмоциональный, тонко чувствующий человек...

Артемьев Дима!

И если Настя родилась в марте, то встретились они с Людмилой в июне!

Девять лет назад!

Как раз тогда, когда у них с Димкой...

Как Людмила сказала? Была сложная ситуация?

И Настя!

Она так напоминает ее собственную Катю!

Обе светленькие, с серыми глазами...

Значит...

Обе похожи на своего отца.

Боже мой!

Весь мир для Тамары перевернулся. Она решительным шагом направилась к выходу из парка, дети, переглянувшись, последовали за ней — они знали: когда мать в таком настроении, ей лучше не перечить. Катя виновато обернулась к изумленной Насте и растерянной Людмиле:

— Простите, пожалуйста! Не знаю, что на нее вдруг нашло? Мы вам очень благодарны за экскурсию! И вообще!

— Да ничего страшного, не переживай... Мигрень — это очень тяжело, я знаю...

Томка Шилова и Димка Артемьев знали друг друга с младенчества — выросли в соседних квартирах.

Другая женщина

Жили они в подмосковном поселке Филимоново, располагавшемся километрах в пятнадцати от Кольцевой. Вроде бы недалеко от столицы, но на редкость неудобно — электрички останавливались редко, особенно после того, как станцию переименовали в платформу.

Застроен поселок был хаотично и неравномерно: деревенские улицы с пасущимися козами и квохчущими курами, овраги, неожиданные лесочки, одинокая кооперативная кирпичная пятиэтажка, в которой и жили долгие годы Шиловы и Артемьевы, пока Димка с Томкой не купили квартиру в райцентре; остатки деревянных бараков и два крошечных микрорайона: первый состоял из трехэтажных домиков, построенных еще в 1950-е годы, а второй — из белых хрущоб в пять этажей.

Семьи Шиловых и Артемьевых удивительным образом походили друг на друга, как негатив и позитив в фотографии: если у Артемьевых отец был наладчиком на заводе металлоконструкций, а мать — бухгалтером, то у Шиловых, наоборот, экономистом был отец, а мама работала шлифовщицей. У Артемьевых — две дочери-погодки и сын Димка, появившийся на свет спустя восемь лет после сестер. У Шиловых — два сына и дочка следовали друг за другом, как вагончики товарного состава. И если у Шиловых имелся дед — балагур и выпивоха по прозвищу Шило, то у Артемьевых, в пару к соседскому деду, была бабушка Поля — тихая и ясная, как цветик полевой, как говаривал тот же дед Шило.

Димка с Томкой тоже представляли собой некое единство противоположностей: тихий задумчивый мальчик не расставался с книжками — бойкая энергичная девчонка была главной заводилой класса. И даже внешне они совершенно разные: светловолосый Димка, хрупкий и болезненный в детстве, к концу школы сильно вытянулся и окреп, а смуглянка Томка,

буйными черными кудрями пошедшая в деда, так и не выросла, чему втайне сильно огорчалась.

Их общая подруга Варвара однажды так объяснила разницу человеческих темпераментов: «Энергии всем людям одинаково отмерено, только у нас с Димкой она спокойно по организму растекается, как вода в пруду, а у тебя, Том, ей разгуляться негде, вот она и прет наружу! И вышел из тебя веник с мотором. А мы с Доном — спокойные, как в танке».

Димка, получивший свое прозвище Дон Артемио с легкой руки учительницы литературы, усмехался про себя: он один знал, чего стоит это спокойствие. Прозвища были почти у всех в классе: Варька, конечно же, Варержка, а Томку все звали Тигрой. Никто уже не помнил, откуда взялась эта кличка, но в Томке действительно было что-то от тигренка, готового чуть что зарычать, прыгнуть и оцарапать. А то и укусить. Вот и сейчас — она вспыхнула и вскочила, зашипев:

— Спокойные они! Сонные тетери, вот вы кто! Живете, как жвачку жуετε: ах-ах, лютики-цветочки! Ну и целуйтесь теперь друг с другом, раз так! — и побежала от них к пруду.

— Тигра! Эй! Ты что?!

— Да брось, Дон, — тихо сказала Варька. — Вечно ты вокруг нее пляшешь! Остынет, придет. Подумаешь, чего я такого сказала-то?!

— Она на веник обиделась.

— Да чего обидного-то?!

Но Дон ее уже не слышал — побежал догонять Томку. Тигра сама знала, что вспыльчивая. И обидчивая: иногда так накатывало! Просто насквозь пронзало иголкой горькой обиды. Вот как сейчас. Конечно, разве они могут понять, каково это — смотреть на всех снизу вверх! Метр пятьдесят пять! И сколько ни тверди себе: «Мал золотник, да дорог», лучше от этого не становится. Вон Варька — вокруг нее мальчишки так и вьются!

Другая женщина

Еще бы — спортивная, красивая! И грудь что надо, а у нее самой сплошное недоразумение. И кудри эти дурацкие! Нет бы как у Варьки — прямые, пепельные...

Как всякой женщине, Томке решительно не нравилась ее собственная внешность. Она много часов провела, пытаясь как-то распрямить непослушные завитки, и в конце концов стала очень коротко стричься, назло всем. И нос у нее не такой, как надо, и губы слишком узкие, а глаза — вообще кошмар! Глаза были зеленые в коричневых крапинках, словно в веснушках, а в левой радужке одна такая «веснушка» оказалась очень большой — словно глаз хотел было стать карим, но передумал. И как Димка ни уверял ее, что это очень мило, Томка не верила.

Тигре хотелось, чтобы вокруг нее тоже вились мальчишки, только приличные, а не такие, как этот придурок Кузьяев, который не дает проходу Варваре! Но приличных парней было раз-два и обчелся. Варькиного друга детства Игоря Котова они из приличных вычеркнули: он променял Варвару на какую-то шалаву из барака, и это после того, как... Томка делала большие глаза и краснела, слушая подробности, изложенные жарким Варькиным шепотом, — они-то с Димкой только целовались, а эти... Ничего себе!

Так что Варька держалась за Димку изо всех сил — уж он-то был самый что ни на есть приличный. Хотя и малахольный. «Лютики-цветочки» — это в его адрес. Конечно, вполне возможно, что там, в неведомой взрослой жизни, которая должна была вот-вот начаться, Томка встретит кого-то еще — еще более приличного и совсем не малахольного, но не факт, что она сама ему понравится. А Димка — свой, знакомый, привычный. Тигра с малых лет считала Димку своей собственностью и не собиралась выпускать из рук. А кстати, где ж ее собственность?! Неужели так и сидит с Варварой на поломанной скамейке старого парка?! Обернуться, что ли...